

В. Свенцицкий
ГРАЖДАНЕ НЕБА

путешествие
к пустынноикам
Кавказских гор

Валентин Павлович Свенцицкий

Граждане неба. Путешествие к пустынным Кавказских гор

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35486589

*Граждане неба. Путешествие к пустынным Кавказских гор /
Валентин Павлович Свенцицкий : Сатишь; Санкт-Петербург; 1994
ISBN 978-5-7373-0027-7*

Аннотация

Книга «Граждане Неба» впервые была издана в 1915 году. Автор этой книги – Валентин Свенцицкий – впоследствии протоиерей Русской Православной Церкви, один из пастырей-мучеников послереволюционных лет. Книга повествует о жизни и духовном подвиге монахов-пустынников на горах Кавказа, она написана в лучших традициях русской литературы, с такой увлекательностью и непосредственностью, что может быть адресована не только воцерковленным православным, но и самому широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие	5
I. Как я искал пустынных. – «Ехать или не ехать?» – «Строитель монастыря». – «Член Государственной думы»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентин Свенцицкий
Граждане неба.
Путешествие к
пустынникам
Кавказских гор

По благословению

Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси

АЛЕКСИЯ II

Предисловие

От издателей

Перед нами – живая повесть о живой вере, о вере христианской православной, пронизавшей немеркнущим светом всю жизнь, все существо людей, с которыми встретимся мы на этих страницах. Кажется, все творение, вся природа преисполнены здесь теплой молитвенности и тянутся к Творцу: «Этот лес – неразрывная часть какой-то невидимой большой келлии...»

Наверное, позволительно сказать, что эта книга не совсем обычная. Православный читатель, знакомый с трудами св. отцов, житийной и аскетической литературой, может испытать некоторое смущение при чтении «Граждан Неба». Читатель неверующий или сомневающийся найдет повод для критических рассуждений в адрес православного монашества, а то и Церкви вообще. И, наконец, натуры экзальтированные рискуют чрезмерно прельститься экзотическими картинками и мистической окраской некоторых эпизодов.

Но надо помнить, что повесть написана вполне мирским человеком, открытым, правдивым и, главное, любящим... А лучше сказать: пока еще мирским человеком, только предощущающим путь, который ему предстоит. Этот человек, личность яркая, сильная, – Валентин Свенцицкий (род.

1882), впоследствии известный в России, да и не только в ней, протоиерей о. Валентин, духовный пастырь, проповедник и писатель.

Начинал он как светский, блестяще образованный и одаренный человек. Прошел курс трех факультетов Московского университета: филологического, юридического и естественно-исторического. Его литературное творчество – романы, эссе, статьи, драмы – пользовалось успехом. Он – в кругу известнейших людей того времени /«серебряного века»/: П. Флоренского, В. Эрна, А. Белого, кн. Е. Трубецкого и других. Правда, его путь, как и у многих, был путем заблуждений, ошибок и прозрений, сомнений и открытий. Но главным предметом его мысли, его творчества было христианство, вера, напряженнейший, до трагизма, духовный поиск. Впрочем, не будет ошибочным предположение, что такой путь, полный противоречий и неожиданных поворотов, суждено пройти каждому человеку (кому в меньшей, а кому в большей мере), чья душа не может быть насыщена благами, красотами и славой мира сего; каждому, кого тайно зовет к Себе Бог.

Выход в свет романа «Антихрист, или Записки странного человека» вызвал такие неприятности, что Валентин Свенцицкий был вынужден бежать во Францию с чужим паспортом. По возвращении, в 1915 году, он отправляется в Новый Афон и знакомится там с жизнью монахов-пустынников на горах Кавказа. Так родилась книга «Граждане Неба».

Это книга прежде всего о любви – неведомой и непонятной миру; о любви и стремлении человека к неведомому и непознаваемому Богу, во Святой Троице Единому; о людях, чьи сердца настезь открылись Творцу Всесвятому. Это простые люди, поскольку они из плоти и крови и живут на земле с ее заботами и горестями. Но необыкновенный, чудный огонь возгорелся в них, и целью жизни стало для них одно – высшее – служение Сотворившему вся. Это создания Божии, не чувственными, но духовными очами узревшие своего Творца и всеми силами устремившиеся к Нему.

В них немало неказистого, неловкого, даже благообразия подобающего вроде бы нет. Но в них живет и могуче непрестанно пульсирует зов Бога и ответный возглас к Нему: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя, услыши мя, Господи». И многое в этих людях, включая их простоту и наивность, напоминает о великом Афонском старце Силуане, нашем соотечественнике.

В книге говорится, хотя и не нарочито, о многих несуразностях в жизни Русской Церкви, ее монастырей, вообще об упадке духовности в обителях и во всем русском народе. Но взглянем на дату рождения книги – 1915 год, время нарастания великого разлада и смуты, когда силы тьмы всею мощью ополчились на Православную Россию и она как бы начинала конвульсировать в метаниях, сомнениях, в оболыщении и раздорах. До катастрофы, кровавой и трагической (1917), оставалось всего около двух лет. И как же зем-

ная видимая Церковь, находясь в средоточении мира, могла остаться вполне свободной от того, что происходило в нем?! Впрочем, гораздо лучше скажет об этом пустынный о. Исаакий (гл. 15 «Отшельники и монахи»).

Неустойчивость, мучительная неопределенность и смутное ожидание роднит то время с нашим. Да и о самом авторе тогда нельзя было сказать, что он «течение скончался». Книга заканчивается вопросом, обращенным в глубь себя, но как вопрос духовный он отнюдь не чужд и нам: «Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти...»

Этот вопрос Валентин Свенцицкий решил окончательно после революции 1917 г. Он принимает священнический сан. Рукоположение произошло в Петрограде в Иоанновском монастыре, где погребен св. прав. о. Иоанн Кронштадтский.

Отец Валентин нес крест пастырского служения в самые тяжелые для Церкви годы, в страшное лихолетье «диктатуры пролетариата». Уже в начале 20-х годов он был арестован и отправлен в ссылку, затем последовал новый арест и новая ссылка... Вместе с другими верными пастырями и чадами Церкви о. Валентин всходил на Русскую Голгофу...

Скончался он 7/20 октября 1931 г. вдали от Москвы. Но милостью Божией и стараниями верующих его тело удалось перевезти в столицу и предать земле подобающим образом.

Итак, перед нами светлая книга светлого и мужественного человека, и наверняка читать ее следует с открытым серд-

цем, не омраченным привычными нам скепсисом, ироничностью или чрезмерной требовательностью.

Но, думается, полезно заметить, что путь аскета-пустытника крайне ответственен и опасен во многих отношениях; и, хотя при поверхностном чтении может возникнуть мысль, что некоторые из отшельников ведут таковое служение как бы импровизационно, по собственному произволу, это совсем не так. Путь одиночества требует большого опыта в духовном делании и не должен начинаться без особого благословения. Излишний энтузиазм и самочиние могут привести к большим бедам – вплоть до безумия и физической гибели.

Что касается стиля, в котором написана книга, то при «перевode» ее текста на современную орфографию, мы оставили его в неприкосновенности. Во многих случаях мы постарались также сохранить и своеобразный авторский синтаксис, который не всегда соответствует грамматическим нормам, но служит для выражения особой, живой интонации.

В заключение мы желаем вам, дорогой читатель, полезно-го для души и познавательного чтения. Спаси вас Господи!

О. Казаков

I. Как я искал пустынных. – «Ехать или не ехать?» – «Строитель монастыря». – «Член Государственной думы»

На Новом Афоне есть специальное помещение для «пустынных»: длинная полутемная комната с нарами, покрытыми циновками, вдоль стен.

С гор в монастырь приходят пустынные к исповеди и причастию. Приносят на продажу свои изделия: ложечки, кресты и четки. Запасаются сухарями и всем необходимым.

Монастырь принимает пустынных, – но не любит их.

Монастырь видит в пустынных косвенное осуждение себе. Это – «протестанты», которых не удовлетворил монастырь. Это – люди, предпочитающие «самочинное спасение» монастырскому послушанию и монастырской дисциплине.

– Они ушли от нас – нечего и ходить к нам!

Но открыто не гонят. Хотя бывает и это.

Один пустынный рассказывал мне, как пришел он исповедаться в Троицкий монастырь, недалеко от Красной Поляны. Иеромонах сказал ему:

– Ты живешь на речке, под скалами – и ступай в свою речку исповедоваться!

Первые мои поиски пустынников поэтому оказались безуспешными.

Я приехал на Новый Афон с очень солидным рекомендательным письмом, в котором, между прочим, было написано: «У подателя такого-то есть очень серьезная духовная нужда видеть и говорить с пустынниками, не откажите помочь ему своими советами и указаниями найти их на Кавказских горах»...

Фраза «о духовной нужде» испортила все!

Как это с «духовной нуждой» – и вдруг обращаться не к монахам, а к каким-то «пустынникам»!

И в результате на Новом Афоне мне было сказано, что никаких пустынников они не знают...

Вероятно, я долго бы разыскивал пути, по которым можно добраться до пустынников, если бы случайно, уже на следующий год, не узнал, что тут же, на Афоне, против гостиницы для «чистой публики», есть каморка и для них.

Была Страстная неделя. В монастырь пришло человек десять пустынников.

Когда я вошел к ним, они отдыхали после службы. Несколько человек за столом пили чай. Некоторые лежали на нарах. В головах почти у каждого стоял мешок с сухарями: они уже получили это монастырское подаяние.

Я боялся входить к ним. Я думал, что, может быть, неловко с моей стороны врываться к людям, только по необходимости покидающим свое безмолвие; может быть, они

не хотят ни видеть, ни разговаривать с «мирским» человеком. «Пустынники» рисовались мне мрачными, замкнутыми, неприветливыми. Да, кроме того, было жутко как-то от мысли, что увидишь перед собой людей, если не святых, то во всяком случае вступавших на путь святости.

И первое, что поразило, – это их простота. Они совсем «как все»! Сразу исчезла тяжелая неловкость. Простота их невольно передалась мне. Почувствовалось, что и ты с ними можешь быть простым и искренним, как ни с кем.

Мне хотелось побывать в Ад жар ах – местности, около которой, главным образом, живут пустынники.

Я спросил:

– Нет ли кого-нибудь с Аджар?

– Я оттуда, – сказал молодой пустынник о. Сергей. – Вы хотите побывать у нас?

– Да. И не знаю, как это сделать.

– Надо, чтобы вас кто-нибудь проводил. Самому трудно. Хотите, я провожу вас?

– Но я сейчас идти не могу. Мне бы хотелось не раньше июня. Вас, наверное, не будет здесь?

– Это ничего. Вы напишите, когда приедете, а я приду.

– Придете?

– Да. Вы так сделайте. Заранее напишите в Драндский монастырь, что приедете такого-то числа. Мне письмо передадут с кем-нибудь. Я приду. А из монастыря пойдем вместе.

Отец Сергей говорил немного торопясь, точно спешил

убедить меня, как все это будет хорошо и удобно и что мне решительно не о чем беспокоиться.

– Ведь вам до Драндского монастыря сто верст придется пройти! – не удержался я.

Отец Сергей посмотрел на меня, видимо, решительно не понимая, к чему я это говорю.

– Да, верст сто будет, – сказал он, – но дорога до Аджар хорошая, ровная. От Аджар немножко в гору придется идти... без привычки, правда, трудно... Бог поможет... взойдете...

С о. Сергием мы на этом и решили. Я должен был написать ему через одного иеромонаха Драндского монастыря, когда приеду из Москвы, а о. Сергей к этому числу должен был прийти за мной.

Тут же, при первой встрече, я узнал об одном деле, которое глубоко волновало пустынных. Случилось это так. Меня спросили:

- А в Адлер к нам не собираетесь?
- Нынешний год едва ли, – может быть, после.
- Вы из Москвы сами?
- Из Москвы.
- Туда поехал один наш пустынный – о. Иларион.
- Это который «На горах Кавказа» написал?
- Нет! Того мы «старым» Иларионом зовем. Этот молоде... Хлопочет о монастыре...
- О каком монастыре?

– Чтобы свой монастырь у нас был, для пустынников.

Я удивился:

– Сами из монастырей ушли, а теперь монастырь строить хотите?

Отец Сергей сочувственно засмеялся и быстро вставил:

– Вот-вот, наши то же им говорят: не надо нам монастыря. Нам бы только жить на казенной земле позволили. Не гнали бы.

Пустынник из Адлера стал объяснять мне:

– Решили мы хлопотать, чтобы отвели нам казенной земли сколько-нибудь. Монастырь разрешили построить. Но чтобы не так, как в других монастырях, а чтобы разрешили жить вне монастыря, по-пустынному... Кто как хочет... И чтобы церковь была своя...

Он, видимо, сам плохо понимал, как все это можно сделать.

Отец Сергей снова сказал:

– Мы им говорили... Бог с ним, с монастырем!.. Мы и так ушли от этого, а тут опять! Не надо нам ничего. Хлопотали бы только, чтобы жить позволили на горах, – больше ничего нам не надо...

– Неудобство, – сказал грузный монах-пустынник, как я потом узнал, снова решившийся вернуться в монастырь.

– Конечно, в пустыне неудобно, на то и шли, – слышалось несколько голосов.

– Пастухи обижают да разбойники, – сердито настаивал

грузный монах.

– Это и в монастыре обидеть могут, – сказал я.

– В монастыре стражников можно поставить.

– Ну, конечно, стражников в пустыне поставить нельзя, – засмеялся я.

Отец Сергей все время сочувственно кивал мне головой. И я видел, что опасность для пустынножительства постройки монастыря он понимает вполне. Впоследствии один из старых пустынников сказал мне прямо:

– Вся эта затея о. Илариона – бесовское дело.

Отец Сергей не говорил так определенно, но было видно, что думает он именно так.

– Приходите к нам, – сказал мне о. Сергей, – там всех увидите. Со всеми поговорите... Мы не хотим монастыря.

– А зачем подписи дали? – почти злобно спросил монах, предлагавший стражников.

Отец Сергей помолчал и сказал тихо:

– Чтобы мир был... Пусть хлопчет... Мы будем жить – по-прежнему...

На этом спор кончился. Попрощались до июня. Я теперь знал, что найду то, что искал, увижу тех людей, которых увидеть было для меня так важно. И действительно, через несколько месяцев я увидел и настоящих пустынников и внутреннего врага их в образе «строителя монастыря».

От Сухума до Аджар – местности, близ которой на горах

живут пустынноики, – восемьдесят верст.

Драндский монастырь несколько в стороне от этой дороги, в двадцати верстах от Сухума.

Свидание с о. Сергием было назначено в Драндах, а потому я не мог из Сухума отправиться прямо в Аджары.

Обстоятельства дали мне возможность перед отъездом в Драндский монастырь видаться с сухумским духовенством.

Прежде всего я стал, разумеется, расспрашивать о пустынноиках. Высшие представители белого духовенства сведения о них имели неясные, но в общем относились к ним гораздо симпатичнее, чем монахи.

– Мы знаем мало об их жизни, – сказали мне, – иногда они приходят к нам в Сухум исповедоваться, впечатление производят очень хорошее. Одного старика, например, у нас прямо считают за святого. Но много бывает и неудачников: от монастыря отобьются и в пустыне жить не могут. Так и бродяжничают из монастыря в горы, с гор в монастырь. Во всяком случае, пустынножительство заслуживает глубокого внимания.

Мое путешествие вызвало большое сочувствие, но при данных условиях они считали его совершенно невыполнимым. Благодичинный, в ведении которого находится Аджарская церковь, прямо сказал:

– Сейчас нельзя идти в Аджары.

– Почему?

– Обвалы! Погода стоит небывалая, почти два месяца с

весны идут дожди. Дорога до Аджар узкая, около скал. Падают глыбы камней. На днях около Богатской скалы человека убило; дорогу, кажется, не поправили еще.

Другой священник предостерегал от грабителей и предлагал переговорить с начальником округа, чтобы до Аджар были даны стражники...

Я спросил:

– Можно ли достать лошадей до Аджар?

– Доехать на дилижансе можно только до Цебельды, тридцать верст от Сухума, а дальше придется идти пешком.

– Разве почта не ходит там?

– Что вы! Какая почта! Вот сами увидите – местность совершенно дикая.

Но в общем все настаивали на одном:

– Пока погода не переменится, в Аджары идти нельзя. Лучше побывать сначала у пустынников близ Адлера.

Я был в полном недоумении: идти или не идти?

Но прежде всего мне надо было съездить в Драндский монастырь, чтобы выяснить, ждет ли меня о. Сергей, и условиться с ним, как быть дальше.

Я выехал из Сухума под проливным дождем.

Дорога совершенно размыта. Шоссе превратилось в жидкую грязь, в которой разбросаны острые камни.

Крылья «линейки» обвисли липкой глиной, с плоского верха и со спущенного брезента на колени ручьями льется

вода, но лошади несутся вскачь и, несмотря ни на что, ехать весело.

Проехали семь верст. Станция. Духан. Около духана по обыкновению масса народа. Кажется, эти люди в башлыках и черкесках только и делают, что сидят за столиками, пьют вино и ведут бесконечные разговоры... Их невозможно представить за «работой». И невозможно духан представить без них.

Извозчик поит лошадей. Потом подходит к столику. Здоровается со всеми. Что-то говорит, очевидно обо мне, потому что все оборачиваются в мою сторону и рассматривают с любопытством.

Остановка минут десять, и мы скачем дальше по жидкой избитой дороге. Чтобы не выскочить из линейки, приходится держаться обеими руками. Слава Богу, хоть дождь стих, можно откинуть брезент и вдохнуть свежий воздух.

Шоссе все время идет по берегу моря. И, нет-нет, откроется из-за дач темно-голубая полоса, и виден ряд бесконечных туч до самого горизонта.

Нет, должно быть, сегодня уже не разгуляется!

«Отцы» в Сухуме наговорили мне таких страхов об Аджарской дороге, что теперь, под дождем, я почти окончательно решил ехать сначала в Адлер.

А извозчик точно нарочно рассказывает:

– Кукуруза нэт... Табак нэт... Дороги нэт... Беда рабочему человеку... Такой дождь никогда нэ был Сухуме!..

– Может быть, пройдет теперь.

– Дождь пройдет? – он даже поворачивает ко мне свое удивленное лицо. – Зачем пройдет?.. Нэ пройдет...

И действительно, точно в подтверждение его слов, облака совсем нависают над морем, и в горах глухо отдается гром.

Драндский монастырь стоит в полуверсте от местечка Дранды. Дорога к нему не по шоссе, а проселком. Эти полверсты были сущим испытанием. Вылезти и идти пешком невозможно: потонешь в глине. Ехать тоже почти невозможно, лошади вязнут по колени, и линейка наклоняется и почти падает то на один, то на другой бок.

Но всему бывает конец. Пришел конец и этой дороге. Мы въехали на ровный зеленый монастырский двор.

Не успел я подъехать к гостинице, как ко мне подошел монах, молодой, с удивительно яркими голубыми глазами.

– Вы такой-то (назвал он мою фамилию), из Москвы?

– Да. А вы о. Савватий?

Я думал, что это тот монах, на имя которого надо было писать письма о. Сергию.

– Нет. Я пустынный Иван, с Брамбских гор. Меня просил о. Сергей встретить вас. Сам он не мог прийти, задержался с огородом; простите его.

Через полчаса мы сидели с о. Иваном в монастырской гостинице, и он говорил мне о путешествии в Аджары:

– Обвал, действительно, был, но дорогу очистили. Человека убило, тоже правда, но это за сколько лет один случай!

И в городах бывают случаи, что дома падают и людей калечат. Зимой камни то и дело летят и снежные обвалы бывают – ничего, ходим. Бог хранит. Грабежей не слышать вовсе. На горах дело другое: там и пастухи, и разбойники, но они обижают только осенью, когда уходят с гор.

– А идти пешком придется?

– Нет, можно и на лошадях. До Цебельды доедем на дилижансе, там переночуем на Драндском подворье, а я схожу к поселенцам в Латы, за 20 верст, приведу от одного поселенца, Филиппа, лошадь. На ней доедем до Ад-жар. Ну, а к нам, на горы, придется уж потрудиться... пешком...

В дверь постучали. Отец Иван вышел. Вернулся через несколько минут и сказал:

– Вас желает видеть о. Иларион, адлеровский пустынник, он был в Москве, о монастыре для пустынников хлопотал. Теперь гостит здесь. Узнал, что вы приедете, и ждал вас. Можно ему войти?

– Конечно, можно.

Отец Иван отворил дверь:

– Можно, о. Иларион!

Отец Иларион – черный, с проседью, монах. Борода широкая, лопатой. Глаза маленькие, круглые, перебегают с предмета на предмет. А когда останавливаются и смотрят в упор, делаются злые и тяжелые. Он часто без причины усмехается в бороду, и кажется, что эта неприятная усмешка относит-

ся к чему-то совсем другому, ничего общего не имеющему с разговором. В лице его есть что-то еврейское, и по акценту он кажется не русским.

Я даже спросил потом о. Ивана:

– Отец Иларион не русский?

– Нет, русский, крестьянин Подольской губернии.

Отец Иларион одет «почище», на нем черный, хороший подрясник. И держится иначе, чем пустынный: мне кланяется очень низко, а о. Ивана перебивает и не дослушивает.

Мне сразу показалось, что о. Иларион видит во мне человека, от которого многое зависит в вопросе о разрешении постройки монастыря. Впоследствии оно так и оказалось. А пока я видел только низкие поклоны и заискивающую улыбку. Несколько раз во время разговора он, как к своему служке, обращался к о. Ивану:

– Ты бы о чае похлопотал. Им, верно, с дороги чайку хочется.

«Ты бы о чае похлопотал» он говорил резко, почти грубо. А «им, верно, с дороги чайку хочется», – перегибаясь, с полупоклоном в мою сторону.

Очень скоро о. Иларион свел разговор на интересующий его вопрос. Рассказал о притеснениях со стороны лесного ведомства и администрации. Вздохнул и сказал:

– За границей живут русские люди, а тут, в своем отечестве, не могут найти приюта.

Вздохнул снова, но сейчас же усмехнулся в бороду своей

странной усмешкой, которую никак нельзя было связать с темой разговора, и спросил неожиданно:

– А как вы полагаете, можно надеяться на разрешение монастыря?

– Не знаю, право... Вероятно, это возможно. Но разве вопрос, нужен ли монастырь, решен окончательно?

– Пустынники подписались. Я все бумаги представил, – сказал о. Иларион, перестал бегать глазами и уставился на меня в упор.

– Я знаю. Но вы сами-то убеждены, что это нужно?

Отец Иларион перевел глаза на о. Ивана. Быстро взглянул в окно, потупился и ответил не сразу.

– А почему же нет? В церковь недалеко будет ходить. Разбойники не обидят. С земли никто не прогонит. А жить попустынному можно. Я все бумаги подал.

Мне показалось, что он опять усмехается. И что-то в тоне его задело меня за живое. Я – человек «мирской». Не жить мне никогда ни в монастыре, ни в пустыне, но как он не сознает, что делает? Или, может быть, сознает?

Вопрос о значении для пустынножительства постройки монастыря был для меня ясен как день. И я сказал прямо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.